

Юлия ЗИЛЬБЕРКВИТ Моя Одесса

Когда меня пригласили приехать с концертами в Одессу, я очень обрадовалась: открыть сезон в городе, откуда родом Гилельс, Рихтер, Ойстрах и множество других прославленных музыкантов, — было весьма почетно. Погруженная в подготовку к поездке и массу других дел я поначалу как-то не очень задумывалась о том, что связывает меня с этим городом. Как всегда, мысли крутились вокруг чисто профессиональных вопросов: каким окажется рояль, на котором предстоит играть, как оркестр справится с труднейшей партитурой, как сложится наш творческий альянс с дирижером — американским музыкантом Хобартом Эрлом, двадцать лет назад возглавившим местный филармонический оркестр и прочно осевшим в Одессе.

И только оказавшись в самолете, я вдруг осознала, что заставляет меня волноваться еще больше. Конечно! Ведь я ехала в город, о котором постоянно слышала дома, с тех пор, как себя помню. Родители моего отца были родом из Одессы, где в свое время обитал огромный клан родственников (из которых сегодня в городе не осталось никого). Особый момент заключался в том, что моя бабушка — Ревекка Рабинович, окончила одесскую консерваторию по классу фортепиано у профессора Надежды Чегодаевой, в прошлом ученицы Скрябина. Таким образом, отсюда началась музыкальная линия нашей семьи.

Но, как оказалось, этим мои связи с Одессой не исчерпывались.

Когда я приезжаю выступать в какой-нибудь город, я не интересуюсь ничем и никем, пока готовлюсь к концерту. В Одессе я разместились в маленькой, но очень комфортабельной гостинице под названием "Моцарт" (а как же иначе?!). Едва приняв душ и переодевшись, я, по своему обыкновению, не глядя по сторонам, отправилась на первую репетицию. Вопреки моим волнениям, все прошло хорошо. Маэстро Эрл был предельно внимателен. С первой ноты стало ясно, что это профессионал, необычайный энтузиаст музыки, требующий полной отдачи от своих оркестрантов. Как только репетиция закончилась, я почувствовала, что валюсь с ног, — длительный перелет, перемена во времени. В полудреме добралась до гостиницы и тут же уснула.

Проснувшись на следующий день и позавтракав, я вышла из гостиницы и... застыла. Накануне я не заметила прямо перед отелем здание знаменитого оперного театра — одного из самых красивых в Европе.

Дальше — больше. Мой короткий путь к филармонии проходил по Пушкинской улице.

Я сбавила шаг, потому что от фасадов домов, к которым вплотную подступали кроны платанов, нельзя было оторвать глаз.

Музей Востока — кстати, кто знает, что в этом здании было до этого?

Окончательный удар меня ждал, когда я приблизилась к зданию филармонии — бывшей одесской биржи.

Оно было столь же красиво изнутри, как и снаружи, на что я, войдя в зал в уже более вменяемом состоянии, не могла не обратить внимание.

Назад после репетиции я шла нарочито медленно, разглядывая каждый дом. В какой-то момент вдруг поймала себя на мысли, что не просто по-туристски люблю красоту чужого города. Мне показалось, что я как-то почувствовала, что это город, в котором я могла бы жить, или, по крайней мере, в котором могла бы постоянно возвращаться.

В гостинице я увидела в лобби молодую женщину, которая, подойдя ко мне, представилась местной журналисткой. С Ланой Лехтман, как ее звали, мы как-то сразу подружились. Лана предложила мне перейти через узкую улочку, на которой располагался отель. Мы прошли через маленький ресторанчик напротив "Моцарта" (естественно, под названием "Сальери") и оказались в очаровательном дворике, сохранившем с дореволюционных времен романтическое название — Пале-Рояль (привет из Парижа!).

Мы сели в кафе на открытом воздухе, и началась наша беседа. Я искренне восхитилась красотой города, на что моя собеседница заметила: "Да вы почти ничего не видели. Вам надо хотя бы дойти до памятника Дюку". "Кому?" — переспросила я. "Дюку де Ришелье, — улыбаясь, ответила она. — Без этого нельзя почувствовать старую Одессу".

Мы быстро перешли к моим одесским корням. Я похвасталась, что мои родственники жили по адресу: Дерибасовская, д. 1, кв. 1. Но мою собеседницу интересовали не только мои бабушка и дедушка — одесситы. Мы пошли дальше, вглубь времени. Как, вероятно,

и многие, я плохо знаю жизнь и судьбу своих "пра". Но что-то вдруг выплыло из памяти. Я вспомнила, что во время погромов были убиты два брата моей прабабушки. А сама она, когда Одесса и окрестности были захвачены фашистами, вместе со своей престарелой матерью попала в гетто в Балте, откуда они были родом (можно ли было предполагать, что родные моего мужа окажутся выходцами из этого же небольшого городка около Одессы?). Прабабушке чудом удалось бежать, а вот ее мать (моя прапрабабушка) там погибла. Журналистка была впечатлена такой историей, и перед тем как мы попрощались, сказала: "У нас здесь есть небольшой еврейский музей — непарадный, но очень интересный. Я могу так сделать, что музей откроют для вас, когда вам это будет удобно. Постарайтесь найти время, вам надо там побывать".

Настал день первого концерта. Зал был полон. После исполнения меня несколько раз вызывали на сцену. За кулисами люди благодарили, спрашивали, когда я приеду в следующий раз. В какой-то момент ко мне подошли с цветами (не на сцене, а именно за кулисами) два молодых человека такой комплекции и внешнего вида, какими бывают обычно байкеры. И какие слова они говорили!..

Через день я играла концерт второй раз. И снова — полный зал. Оркестр и маэстро Хобарт Эрл были на высоте. Когда я закончила играть концерт Равеля и меня в эфирный раз вызвали на сцену, я решила на бис. Перед тем как сыграть Адажио Марчелло, я объявила, что посвящаю исполнение памяти моих бабушки и дедушки, живших в Одессе. Публика приняла это с невероятным энтузиазмом...

Моя поездка подходила концу — на следующий день я улетала в Нью-Йорк. Наутро, перед тем как отправиться в аэропорт, я вспомнила о приглашении посетить местный еврейский музей. Созвонившись с Ланой, попросила о возможности заехать туда перед полетом. Через пять минут Лана перезвонила и сказала, что меня ждут.

Еду по указанному адресу. На первом этаже здания вижу открытую дверь и рядом маленькую табличку — "Еврейский музей Одессы".

Меня встречают Лана и мужчина средних лет, директор музея — Михаил Рашковецкий. Музей — это, конечно, громко сказано: небольшая экспозиция, больше напоминавшая лавку старьевщика, располагается в бывшей коммунальной квартире. Михаил переходит из комнаты в комнату, от предмета к предмету, рассказывая, что и сам музей складывается спонтанно. "Кто что отдаст — вот и экспонат. Так, — улыбаясь, поясняет он, — и получился музей".

Я уже поглядывала на часы (не хотелось опоздать на рейс), когда мы оказались возле угловой старинной этажерки, на которой на вязаных салфетках стояла фотография в рамке и лежали несколько других предметов. "Вот взгляните на этот снимок, ему примерно сто лет, — говорит Михаил. — Видите этих трех детей — девочку и двух мальчиков? Младший — это Борис Минкус. Он прожил всю жизнь в Одессе, был инженером, умер некоторое время назад в преклонном возрасте, передав нам накануне своей смерти ряд предметов из своей семьи. Рядом с ним — его брат Михаил, будущий известный архитектор, один из авторов проекта здания МИДа в Москве, и сестра — Рика Минкус. Она, кстати, была музыкантом..."

"Рика Минкус? — переспросила я. — Скажите, пожалуйста, имя их отца было Адольф?" — "Да, их отец — Адольф Минкус,

Фото Евгения Волокина

был известный в Одессе архитектор. А откуда вы знаете?"

Рика Адольфовна Минкус... Пианистка и педагог, выпускница одесской консерватории по классу профессора Берты Рейнгальд, у которой учился Эмиль Гилельс. Талантливый литератор (она переводила Гейне и Гендерлина), Рика Минкус стала первой учительницей музыки моего отца, а потом — его близким другом. Когда меня начали учить игре на фортепиано, я приходила к ней поиграть. Она была из той, наверное, уже исчезнувшей породы людей, для которых искусство, литература, музыка были делом неперорядочным серьезным. Именно она порекомендовала мне начать консультироваться у молодого талантливого педагога Александра Мндоянца (ныне профессора Московской консерватории), в свою очередь, ученика моего профессора до Джульярду прославленной пианистки Беллы Давидович. Рассказываю мою часть истории. Михаил и Лана взволнованы — такое совпадение!

"Но это еще не все, — продолжил Михаил. — Как гласило семейное предание, переданное мне покойным Борисом Минкусом, прапрабабушка детей, запечатленной на фотографии, приехавшая в Одессу из Германии, по какому-то вопросу отправилась на прием

к Дюку де Ришелье. Великий потомок легендарного кардинала Ришелье вышел к ней... в домашней куртке. На что мадам Минкус не преминула выговорить герцогу, что, дескать, в Европе должностное лицо, даже самого высокого ранга, на деловые встречи одевается соответствующим образом..."

Я посмотрела на часы: пора было выдвигаться в аэропорт. Я поблагодарила Михаила и Лану. Мы попрощались. Через несколько часов я глядела в окно иллюминатора на удаляющуюся Одессу. В голове все путалось. Дюк де Ришелье, первый и великий градоначальник Одессы, ее символ? Рика Минкус, которой уже давно нет на свете? Я и мои концерты в Одессе в 2010 году? Такое разве возможно? Как складываются эти временные вертикали? Часто ли бывает, что в три прыжка ты оказываешься в эпохе, отдаленной чуть ли не двумя веками? И почему это произошло именно в Одессе — городе, откуда произошла семья моего отца?

Не много ли совпадений? Или — наоборот — все сверху предначертано?..

Ответов на эти вопросы у меня не было. Но одно мне было ясно: я уезжала из совершенно особого города — Одессы. Города, где, вероятно, все возможно.

Из моей Одессы.

Комментарии к статье "Моя Одесса" с сайта "Сноб"

Виталий Гончарук

На Дюка нужно было смотреть с другой стороны (с люка) :)))

Юлия Зильберквит

Там были пожарные учения)

Мария Генкина

Юлия, Вы облагораживаете Одессу в глазах снобчан, — я даже уже почти забыла свои летние впечатления.

Юлия Зильберквит

Я надеюсь, что снобчане — люди, лишённые стереотипов!

Виталий Родин

Оперный театр в Одессе очень понравился. Правда, я там был 25 лет назад. (Слушал, кстати, оперу по военной тематике на украинском языке.)

Елизавета Титаня

В Советском Союзе у меня было два любимых города — Тбилиси и Одесса. Совершенно особенные, широкие и вольные.

Юлия Зильберквит

Мой муж из Тбилиси! Правда, наши бабушки обе родом из Балты, под Одессой.

Вот что удалось узнать о доме, где сейчас находится Музей западного и восточного искусства. Построил его в 1856-58 годах архитектор Людвиг Оттон. Сын того самого знаменитого ресторатора Оттона, которого упоминает Пушкин в "Евгении Онегине". "Услужливый Оттон", — пишет он. Людвиг Оттон, кстати, построил в Одессе довольно много, например, Литературный музей с совершенно необыкновенной экспозицией тоже строил он, правда, как дворец князя Гагарина. Дом строился как дворец негодянта Абазы. Негодянт — это что-то уже больше, чем купец, но еще и не банкир. После Абазы здесь долго существовала гимназия. А уже после нее дом становится музеем. Очень коротко, 2-3 года, это был музей Старой Одессы. Позже — Музей западного и восточного искусства.

Михаил Спокойный

Юлия, очень тепло вы написали. Спасибо. Я был этой осенью в Одессе тоже и очень вам рекомендую в следующий раз зайти в Дом ученых. Это почти напротив школы Столярского. Поверьте, у вас будут незабываемые впечатления.

Юлия Зильберквит

Спасибо, Михаил! Если будут еще гастроли в Одессе, — обязательно зайду.